

- Ljapunova R.G.* Ethnohistoire des Alèoutes des îles du Commandeur // Inter-Nord. 1982. № 16.
- Preliminary Report, European Inventory Project. Juneau, 1982.
- Ray D. J.* Aleut and Eskimo Art. Tradition and Innovation in South Alaska. Seattle; London, 1981.
- Russian penetration of the North Pacific Ocean. A Documentary Records. 1700–1797 // The Siberia and Russian America: Three Centuries of Russian Eastward Expansion. A Documentary Records / Ed. by B. Dmytryshyn, E. Crownhart-Vaughan, T. Vaughan. Portland, 1988. V. 2.
- Samuel Ch.* The Raven's Tail. Vancouver, 1987.
- Siebert E., Forman W.* Indianerkunst der amerikanischen Nordwestküste. Praha, 1967.
- Siebert E., Forman W.* North American Indian Art: Masks, Amulets, Wood Carvings and Ceremonial Dress from North-West Coast. L., 1967a.
- Siebert E., Forman W.* El arte de los indios norteamericanos de la Costa del Noroeste. Mexico, 1967b.
- Siebert E.V.* Northern Athapaskan collections of the first half of the nineteenth century // Arctic Anthropology. 1980. V. 17. № 1. P. 49–76.
- The Far North: 2000 Years of American Indian and Eskimo Art. Washington, D.C., 1973.
- The Siberia and Russian America: Three Centuries of Russian Eastward Expansion. A Documentary Records / Ed. by B. Dmytryshyn, E. Crownhart-Vaughan, T. Vaughan. Portland, 1985. V. 1., 1988. V. 2., 1989. V. 3.
- The Spirit sings. Artistic traditions of Canada's first peoples. A Catalogue of the Exhibition. Toronto, 1988.
- Unangam ungiikangin kayux tunusangin = Unangam uniikangis ama tunuzangis = Aleut tales and narratives. Collected 1909–1910 by Waldemar Jochelson / Ed. by K. Bergsland, M.L. Dirks. Fairbanks, 1990.
- Varjola P., Averkieva J.P., Liapunova R.G.* The Etholen Collection: The ethnographic Alaskan collection of Adolf Etholen and his contemporaries in the National Museum of Finland. Helsinki, 1990.

Е.С. Соболева

ПОПЕЧИТЕЛЬНЫЙ СОВЕТ МАЭ В 1909–1914 гг.: РОЛЬ Ф.Ю. ШОТЛЕНДЕРА В СОЗИДАНИИ МУЗЕЯ

В 1909 г. по инициативе В.В. Радлова с разрешения Государственного Совета был создан Попечительный Совет при Музее антропологии и этнографии им. Императора Петра Великого. Совет немало способствовал расширению сферы деятельности МАЭ, пополнению его коллекций, развертыванию экспозиционно-выставочной и издательской деятельности. Этот аспект истории МАЭ пока исследован недостаточно.

Академик В.В. Радлов, готовясь к празднованию 200-летия Санкт-Петербурга, разработал проект развития МАЭ, доложил его 13 мая 1909 г. на заседании Историко-филологического отделения и получил одобрение Академии. В частности, отмечалось, что МАЭ «присвоено было наименование «имени Императора Петра Великого», а несколько позже то же наименование было присвоено другому академическому Музею — Музею Геологии, который равным образом хранит собственное собрание своего основателя — Петра» [СПбФА РАН. Ф. 2. Оп 1–1909. № 8. Л. 2]. Предлагалось к 1913 г. сформировать в МАЭ новый отдел, в котором были бы соединены все коллекции и предметы

научного характера, разбросанные в различных музеях и учреждениях, имею- щие отношение к особе Петра I, а также создать ему новый памятник. Для пере- мещения будущих коллекций в МАЭ необходимо было надстроить один этаж — увеличить площадь объединенного тройного музея. Почетный член Попечи- тельского совета музея Ф.Ю. Шотлендер предложил принять на свой счет все расходы по устройству нового этажа, и этот первый щедрый дар придал Радлову уверенность в том, «что и в дальнейшем дело устройства Музея в память Импе- ратора Петра Великого может рассчитывать на содействие частных жертвовате- лей, без обременения Государственного Казначейства новыми расходами» [РГИА. Ф. 1405. Оп. 394. Д. 38. Л. 2].

Министр Народного просвещения 30 июня 1909 г. доложил Николаю II о подготовительных работах по устройству при Императорской Академии наук особого Музея в память Императора Петра Великого. В своей Записке ординар- ный академик действительный тайный советник В.В. Радлов просил «разрешить <...> представить дарителя к награде, которая была бы достойным поощрением как для него, так и для будущих жертвователей» [Там же].

Первый жертвователь — купец второй гильдии Эмиль-Феликс Юльевич Шотлендер (Schottländer) (1851–1914) — и в дальнейшем тесно сотрудничал с МАЭ.

Родился он 7 мая 1851 г. в имении Форель Везенбергского уезда Эстлянд- ской губернии. Получил образование за границей, окончив Политехническую школу Швейцарского союза в Цюрихе. Был принят в Русское подданство в 1891 г. Вступил в брак 29 апреля 1883 г. с Каролиной Марцелиевной, урожден- ной Гужковской. Дети — Бенита-София-Елисавета (род. 15 июня 1888 г.) и сын Арвед-Рихард (род. 25 ноября 1892 г.). Состоял в потомственном почетном гра- жданстве со 2 декабря 1893 г. Поступил на частную службу в качестве помош- ника директора Калининского пиво-медоваренного товарищества в 1874 г. Его отец — прусский подданный Юлий Яковлевич Шотлендер (1815–1874) — до 1874 г. был исполнительным директором этого старейшего в России пивоварен- ного завода (с 2007 г. — филиал «Пивоваренный завод им. Степана Разина» в ООО «Объединенные Пивоварни Хейнекен»). С 1879 по 1903 г. Ф.Ю. Шотлен- дер был директором-распорядителем Калининского пивоваренного товарище- ства, директором Невского стеаринового товарищества, директором Товарище- ства русских паровых маслобоен. Крупный землевладелец, он с 1882 г. владел рыцарским селением «Виймс» в Эстляндской губернии (ныне в этом здании в Пирита, г. Таллинн, размещается Национальный военный музей Эстонии).

Ф.Ю. Шотлендер много внимания уделял благотворительной деятельности. Он был учредителем и попечителем Александровской мужской больницы (ныне Городская инфекционная больница № 30 имени С.П. Боткина), а с 1904 г. — председателем попечительства; почетным попечителем Второй Нарвской шко- лы для взрослых рабочих и работниц Императорского Русского технического общества; попечителем Бригитовской станции (Эстляндская губерния) Импера- торского Общества спасения на водах; первым почетным членом Попечитель- ного совета при МАЭ.

Он был кавалером Императорских орденов Св. Станислава III и II ст. (Ми- нистерство финансов), Св. Анны III и II ст. и Св. Владимира IV ст. (Министер- ство внутренних дел). Имел знаки отличия от Великого Князя Михаила Нико-

лаевича — перстень с вензелевым изображением Имени Его Высочества; от Императорского Общества спасения на водах — Серебряный знак Общества [Там же. Л. 4].

Первое заседание Попечительного совета при МАЭ состоялось 21 апреля 1909 г. Присутствовали его Председатель — директор МАЭ В.В. Радлов, старший этнограф Л.Я. Штернберг и Ф.Ю. Шотлендер. Последний пожертвовал 1 тыс. руб. на текущие расходы Музея (деньги внесли в депозит Академии) и объявил о намерении внести 70 тыс. руб. для возведения третьего этажа и флигеля. В.В. Радлов опасался, упустив благоприятный момент, «лишить Академию услуг первого жертвователя, который дает ей не капитал на мало нужные премии, а то, что ей действительно нужно — новое помещение» [СПбФА РАН. Ф. 6. Оп. 1—1909. Ед.хр. 31. Л. 24].

Надстройку предстояло начать немедленно и закончить к октябрю 1909 г., поскольку Государь Император желал лично осмотреть музей. Была организована Строительная компания. Производство надстройки Правление поручило комиссии в составе членов Совета, младшего этнографа Б.Ф. Адлера, казначея и архитектора Академии. 3 июня 1910 г. Ф.Ю. Шотлендер внес в Волжско-Камский коммерческий банк на имя Строительной компании 70 тыс. руб. План и смета надстройки утверждены Техническим комитетом Министерства народного просвещения. С этого времени вся деятельность Совета сосредоточилась на заботах о постройке, и его заседания происходили совместно с заседаниями Строительной компании [Там же. Ф. 2. Оп. 1—1910. Ед.хр. 8. Л. 15].

17 июля 1909 г. по ходатайству президента Императорской Академии наук была успешно начата процедура «дарования инженер-технолога Эмилю-Феликсу Шотлендеру за полезное содействие просветительным целям Академии прав потомственного дворянства» [РГИА. Ф. 1405. Оп. 394. Д. 38. Л. 1]. Однако уже 2 сентября 1909 г. вице-президент Императорской Академии наук П. Никитин обратился в Министерство юстиции с новым письмом, отметив, что «в ходатайстве Императорской Академии наук о возведении г-на Шотлендера в потомственное дворянское Российской Империи достоинство по недосмотру не было упомянуто об исходатайствовании им такого достоинства детям Шотлендера, хотя семейный его список был приложен к ходатайству. Вследствие этого Высочайшим Указом от 1 августа 1909 г. в потомственное дворянское Российской Империи достоинство возведен лишь сам Шотлендер. По сему имею честь покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство войти с всеподданнейшим докладом о возведении в потомственное дворянское Российской Империи достоинство и детей Эмиля-Феликса Шотлендера 1) сына Арведа-Рихарда 2) дочери Бенеты-Софии-Елизаветы» [Там же. Л. 10.].

Вопрос был решен положительно: «Указом Нашим, в 1-й день августа 1909 г. Правительствующему Сенату данным, возведен Нами в потомственное дворянское Российской Империи достоинство инженер-технолог Эмиль-Феликс Шотлендер. Ныне все милостивейшее соизволяем на распространение означенного достоинства на детей его: сына Арведа-Рихарда и дочь Бениту-Софию-Елисавету, рожденных до возведения названного отца их в потомственное дворянство. Правительствующий Сенат в исполнении сего не оставит учинить надлежащее распоряжение. Николай. В Одессе 15 октября 1909 г.» [Там же. Л. 15].

Благотворительная деятельность Ф.Ю. Шотлендера, таким образом, получила высокую оценку общественности, но основной его наградой стало обеспечение привилегий наследников — сына и дочери.

В год создания Попечительного совета бюджет МАЭ составлял 11 900 руб. — в четыре раза меньше бюджета вновь созданного Музея Александра III. Требовались новые штаты и средства на развитие, «регистрацию и ремонт коллекций», на экспедиции, инвентарь и фотографические материалы («фотографические заказы наемному фотографу обходятся Музею намного дороже, а работа выполняется с меньшей аккуратностью») [СПбФА РАН. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 90 об.]. В.В. Радлов использовал опыт зарубежных музеев и за десять лет сумел привлечь на нужды МАЭ 200 тыс. руб. частных пожертвований. К февралю 1910 г. были закончены третий этаж и новый флигель (70 тыс. руб. — средства Ф.Ю. Шотлендера), приобретено новое электрооборудование (8 тыс. руб.), 50 шкафов и 20 витрин (7 тыс. руб.), обмелированы шесть рабочих кабинетов (30 тыс. руб.) с устройством штор и пр. (1 тыс. руб.), устроено новое посещение, в т.ч. Памятный отдел Императора Петра Великого, переоборудованы другие этажи [Там же. Ф. 2. Оп. 1–1910. Ед.хр. 8. Л. 11]. Вместо одного этажа музей получил три. В МАЭ поступило более 100 тыс. экспонатов (путем пожертвования и покупки на месте, причем до 1907 г. МАЭ не организовывал самостоятельных экспедиций для сбора коллекций). Стало возможно увеличить штат постоянных служащих с трех до девяти, нанимать временных работников. [Там же. Ед.хр. 54. Л. 37–44].

Организация Галереи Петра Великого и строительство в МАЭ велись параллельно. Начиная проект, академик Радлов ходатайствовал о предоставлении ему:

1) свободного допуска во все учреждения и помещения, где могут оказаться собрания, касающиеся жизни Императора Петра Великого;

2) права вступать в переговоры с соответствующим учреждением о передаче имеющихся у них Петровских собраний в предполагаемый им Музей в память Императора Петра Великого.

Министр Двора барон В.Б. Фредерикс 8 декабря 1909 г. уведомил о соизволении Его Императорского Величества на передачу коллекций Петровской Галереи из Императорского Эрмитажа в Императорскую Академию наук. Передаче подлежали лишь предметы, имеющие непосредственное отношение к Императору Петру Великому, находившиеся в составе Петровской Галереи в Императорском Эрмитаже (взятой туда из ИАН в 1851 г.). Остальные вещи, переданные в свое время из ИАН в Эрмитаж — сибирские древности, восточное и европейское оружие, имеющие фундаментальное и ничем не заменимое место в коллекции Эрмитажа, подлежали оставлению в числе его сокровищ. Вопрос о планах и гравюрах решен не был [Там же. Ед.хр. 8. Л. 5].

Создаваемый при МАЭ Особый памятный отдел предметов, относящихся к личности Императора Петра Великого, предстояло пополнять вещами, находившимися в различных дворцах и музеях. В.В. Радлов предложил поместить эти коллекции в малом зале вновь надстроенного третьего этажа, а прием и заведывание ими возложить на прикомандированного к Музею члена Императорского Археологического института надворного советника Н.И. Воробьева и

назначить его сверхштатным младшим этнографом без содержания [Там же. Л. 4, 24].

Только на эту деятельность удавалось получать дополнительные суммы из Государственного казначейства. 6 июля 1910 г. в смете Министерства народного просвещения на оборудование вновь построенного при МАЭ Особого отдела в память Императора Петра Великого было выделен особый кредит на 8 тыс. руб. — для перемещения коллекций и переоборудование третьего этажа [Там же. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918. Ед.хр. 57. Л. 174, 184]. К 20 октября 1910 г. по трем описям было принято: 1) 1542 номеров; 2) 189 книг; 3) 153 медалей и 143 монет номеров, но их больше [Там же. Ф. 2. Оп. 1–1910. Ед.хр. 8. Л. 25].

Расширяя круг деловых контактов, В.В. Радлова предложил 10 февраля 1910 г. Историко-филологическому отделению ИАН новый вариант поощрения спонсоров — награждение крупных жертвователей орденами. Он предложил наделить Попечительский Совет при МАЭ правом возбуждения ходатайств без внешения их на рассмотрение Конференции [Там же. Л. 10]. К сожалению, возникали непредвиденные юридические и финансовые проблемы (невозможность частных жертвователей предоставлять необходимые суммы в срок, сложности с планированием и отчетностью и др.), что доставляло дополнительные хлопоты руководству Академии.

В сентябре 1910 г. Почетными Членами Попечительного Совета при МАЭ являлись потомственный дворянин Феликс Юльевич Шотлендер (утвержден в сем звании Его Императорским Высочеством Августейшим Президентом Императорской Академии наук Великим Князем Константином Константиновичем 16 апреля 1909 г.), состоящий при особе Его Величества генерал-адъютант барон Феофил Егорович Мейендорф (утвержден 23 февраля 1910 г.) и Статский советник Владимир Владимирович Святловский (утвержден 1 июня 1910 г.) [Там же. Л. 22].

До 1912 г. члены Попечительного Совета покрывали все требовавшиеся чрезвычайные расходы. Так, МАЭ были предъявлены 28 февраля 1911 г. счет за устройство Отдела Галереи Императора Петра Великого — 900 руб. [Там же. Ед.хр. 63. Л. 36], 24 сентября 1911 г. счет от г-на Кеселя за чистку и поправку рамок и починку балдахина для фигуры Императора Петра Великого — 88 руб. 50 коп. [Там же. Л. 44.], 17/9 марта 1911 г. счет от г-жи М. Сигаль за починку костюма Императора Петра Великого — 3 руб. 62 коп. [Там же. Л. 59.], 30 марта 1911 г. счёт от Торгового дома братьев М. и А. Франк за зеркальные стекла и вставку их в железную витрину — 330 руб. [Там же. Л. 63.], 1/14 апреля 1911 г. чек от г-на Норе&Co, Amsterdam, за книги для Галереи Императора Петра Великого — 62 гульдена 60 центов [Там же. Л. 65.], 26 июня 1911 г. счет по омеблировке МАЭ — 5186 р. 82 к. (уплачен через Попечительный совет из 6000 р., специально пожертвованных д-ром Германом Мейером для этой цели и положенных им в Банк на текущий счет Попечительного совета Музея) [Там же. Л. 83]. Ввиду чрезвычайных расходов, сопряженных с переустройством МАЭ, Радлов 7 сентября 1911 г. просил Конференцию разрешить предоставить в распоряжение Музея взаимобразно из специальных сумм Академии до 4000 руб. [Там же. Л. 110].

3 октября 1912 г. В.В. Радлов представил Конференции Историко-филологического отделения ИАН солидный отчет в израсходовании денег, по-

жертвованных Ф.Ю. Шотлендером на надстройку третьего этажа над МАЭ: а) 25 протоколов соединенных заседаний Попечительного совета при МАЭ и Строительной комиссии; б) оправдательные документы по приходу и расходу денег; в) документы в протоколах; г) свидетельство Санкт-Петербургской городской управы от 2 июня 1909 г. за № 519; д) контракты, заключенные с заводом Сан-Галли и подрядчиком Седовым [Там же. Оп. 1–1912. Ед.хр. 8. Л. 61].

Ф.Ю. Шотлендер пожертвовал МАЭ в 1912 г. 2000 руб. и принес в дар три коллекции (886 пр.). Всего в этот год поступило пожертвований на 13 000 руб. и пять коллекций (1830 пр.). Оплаченные Шотлендером коллекции (МАЭ № 1999, 2000, 2001) были приобретены при посредничестве купца Е.И. Александра из дублетов Гамбургского музея народоведения. Эти обширные и весьма ценные вещи из Западно-Каролинских островов и соседних с ними островов Меланезии «составляют часть коллекции экспедиции Гамбургского музея, вывезшей с вышеупомянутых островов остатки первобытной культуры туземцев. Значение пожалованной Ф.Ю. Шотлендером коллекции, помимо богатого материала, дополнившего прежние коллекции Музея, заключается в точном обозначении происхождения каждого предмета, что дает возможность установить более точно место происхождения той части старых коллекционных материалов, которая, за неимением данных, еще не определена» [Там же. Л. 62.]

Все четыре года Ф.Ю. Шотлендер ревностно относился к своим обязанностям. «Деятельное участие его в трудах Совета и постоянная щедрая отзывчивость его к нуждам Музея, выразившаяся в многократных пожертвованиях ценными этнографическими коллекциями и предметами для омеблирования Музея, о чем в свое время докладывалось в Конференцию и сообщалось в отчетах Совета, побудили Попечительный совет на последнем заседании, 24 октября с.г., постановить об исходатайствовании Высочайшей для него награды пожалованием его чином действительного статского советника» [Там же. Ф. 142. Оп. 1–1918. Ед.хр. 44. Л. 11об.]. 26 ноября 1912 г. Почетный председатель этого Совета (с 7 марта 1912 г.) Его Императорское Высочество Князь Александр Георгиевич Романовский Герцог Лейхтенбергский инициировал соответствующее ходатайство.

28 марта 1913 г. последовало новое его письмо: «Несколько времени тому назад я в качестве Почетного председателя Попечительного совета Музея антропологии и этнографии обратился в Конференцию Императорской Академии наук с просьбой возбудить ходатайство о всемилостивейшем пожаловании вне правил чином действительного статского советника Почетного члена Попечительного совета Музея антропологии и этнографии потомственного дворянина коммерции советника Феликса Юльевича Шотлендера за его выдающиеся заслуги перед музеем. Ныне узнав, что таковое же ходатайство уже возбуждено Александровской мужской больницей через Министерство внутренних дел, с своей стороны считаю долгом поддержать это ходатайство и прошу Ваше Высочество обратит на него особое внимание» [Там же. Л. 17].

После смерти Ф.Ю. фон Шотлендера непререкаемый секретарь Академии С.Ф. Ольденбург отправил 30 мая 1914 г. его вдове в Ревель в имение Виймс соболезнование: «Милостивая Государыня, неожиданная кончина Вашего супруга, бывшего старшим членом Попечительного совета Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого и оказавшего музею много ценных услуг и по-

жертвований, глубоко опечалила Конференцию Императорской Академии наук, которая постановила выразить Вам свое глубокое соболезнование по поводу постигшего Вас несчастья. Примите, милая государыня, вместе с выражением моего личного глубокого сочувствия Вашему горю уверение в совершенном моем уважении и таковой же преданности» [Там же. Оп. 1–1914. Ед.хр. 8. Л. 35].

В 1914 г. в Совет при МАЭ входили помимо В.В. Радлова и представителя ученого персонала Л.Я. Штернберга Ф.Е. Мейендорф, И.И. Леман, В.В. Святловский, Ф.Ю. фон Шотлендер, князь А.Г. Романовский, Э.Л. Нобель, Б.А. Игнатъев, К.К. Шейблер. Попечительный совет, музейный персонал и члены Министерства Императорского Двора 26 марта 1914 г. приняли решение о передаче Галереи Петра I в переустроенное здание Кунсткамеры, которое следовало перестроить в 1915–1917 гг.. В связи с этим отложили празднование 200-летнего юбилея МАЭ до окончания перестройки здания Кунсткамеры и открытия Музея в новом здании в 1917 г. [Там же. Л. 20.] Первая мировая война не позволила завершить этот проект.

Итак, Ф.Ю. Шотлендер немало сделал для развития российской промышленности, культуры и науки. Его заслуги отражены, в частности, в материалах Музея истории пивоварения в Санкт-Петербурге. Благодаря Ф.Ю. Шотлендеру в начале XX в. МАЭ приобрел современный облик, музейное оборудование, ценные этнографические коллекции и, вероятно, почитателей из числа его деловых партнеров. Руководство Академии наук высоко ценило его созидательную деятельность в Попечительном совете при МАЭ и добилось значимой для него награды — права потомственного дворянства как для самого Ф.Ю. Шотлендера, так и для его детей, а также представило его кандидатуру в порядке исключения к высокому чину действительного статского советника.

А.И. Терюков

КОЛЛЕКЦИЯ Ф.М. ИСТОМИНА ИЗ ПЕЧОРСКОГО КРАЯ В СОБРАНИИ МАЭ

В 1891 г. в Музей антропологии и этнографии через Императорское Русское Географическое общество поступила коллекция этнографических предметов из Печорского края от Ф.М. Истомина. Судя по записям собирателя, эти предметы были собраны им среди коми населения Печорского края и при регистрации определены как зырянские. Более подробное знакомство как с самими предметами, так и с предварительными описаниями в передаточной описи позволяет сказать, что они принадлежат коми-ижемцам.

Коми-ижемцы — это особая этноареальная группа коми, которая отличается от основного массива народа коми своим специфическим хозяйственным укладом, основу которого составляло тундренное крупнотабунное оленеводство. Она формировалась начиная с конца XVII — начала XVIII в. по мере хозяйственного освоения коми бассейна средней Печоры и р. Ижмы с притоками [Жеребцов 1982; Терюков 1986]. В этих районах коми переселенцы, оказавшись в зоне рискованного земледелия, переняли от ненцев оленеводство и стали активно им заниматься. Но наряду с этим у коми-ижемцев большую роль играли охо-